

Серия
«Скифия: Антология сетевой поэзии»

Ключи от твоих дверей

ОЗНАКОМИТЕЛЬНЫЙ
ФРАГМЕНТ

«СКИФИЯ»
Санкт-Петербург
2010

ББК Я4 94
К47

Серия «Скифия: Антология сетевой поэзии»

Ключи от твоих дверей

К47 Ключи от твоих дверей. — СПб.: Издательско-Торговый Дом «СКИФИЯ», 2010. — 408 с. — («Скифия: Антология сетевой поэзии»).

Этой книгой издательство «Скифия» продолжает книжную серию «Скифия: Антология сетевой поэзии». Приглашаем всех современных авторов к участию в отборочных циклах серии.

Подробности на сайте: **www.Musbooks.ru**

ББК Я4 94
К47

При оформлении обложки использована работа Ивана Тарасюка «Улица с воздушным шаром»

ISBN 978-5-903463-47-3

© Коллектив авторов, 2010
© ИТД «СКИФИЯ», 2010

Все тексты печатаются в авторской редакции.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Предисловие к серии

Уважаемый читатель, спасибо за внимание к нашей книге. К книге, в которой представлены авторы современной поэзии. У поэзии сейчас нелегкие времена. Нет, она никуда не исчезла, она просто не собирает стадионы, за ней не выстраиваются очереди у книжных полок, ее не транслируют на коммерческих радиостанциях. Она не гонится наперегонки с техническим прогрессом и не пытается разменять искренность на несколько минут центрального телевидения. Она даже не особо переживает, что в наше сумбурное время больше в чести фаст-фуд, чем наслаждение подлинным вкусом.

Тем не менее поэзия осталась, как никуда не делиться ни вечные вопросы, ни ощущение гармонии (дисгармонии) этой жизни, как никуда не делось чувственное восприятие действительности.

Поэтов не стало меньше, чем в прошлые времена. Рискну предположить, что поэзия, в лучших своих проявлениях, даже не стала хуже, чем в «серебряное» или «золотое» время. Она просто стала чуть тише, чуть интимнее. Чуть более «для своих». Для тех, кто умеет поэзию слышать.

Наверное это потому, что поэзия, как и чувства, есть Дар, определенная энергия, которую человек зачем-то получил. И этот Дар требует, чтобы Поэт выполнил свое предназначение, отдал полученную энергию людям. Как сказал Н.И. Калягин: «Поэзии не бывает без вдохновения, а вдохновение — это то, что вдыхается в человека извне, то, что приходит не спросясь и уходит, когда не ждешь».

Поэт немислим без своего слушателя, без своего читателя. Поэтому спасибо, уважаемый читатель, что ты есть.

И еще хотелось бы добавить. Отбор участников томов нашей антологии производится на конкурсной основе. Если у вас есть желание предложить свои произведения — мы будем рады. Просто вышлите свои работы вместе с небольшим рассказом о себе по электронному адресу нашего издательства: **skifiabook@mail.ru** с пометкой «заявка на участие в антологии поэзии». Мы обязательно рассмотрим ваше предложение и ответим вам. Произведения авторов, уже вышедших в нашей антологии, можно прочитать на нашем сайте: **www.musbooks.ru**

*Игорь Знаешев,
главный редактор*

01

Нора Яворская

г. Пушкин, Санкт-Петербург

|

Размышления перед телевизором

О себе: Элеонора Робертовна Яворская (псевд. Нора Яворская) род. 22 марта 1925 г. в городе Порхов. Национальность неопределенная (отец Р. Я. Крусткалн — латыш, расстрелян в 1938, мать — эстонка).

Окончила Московский институт культуры. С 1963 — член Союза писателей СССР (теперь — в Союзе писателей Санкт-Петербурга). Заслуженный деятель Эстонии (перевела около 40 книг стихов и прозы эстонских авторов). Опубликовала 10 сборников оригинальных стихотворений. Последний, итоговый, «Сквозь миражи, сквозь грабежи» — в 2001 г.

Моя «внешняя» биография ничем не примечательна, гораздо содержательнее — «внутренняя». В достаточно развернутом и живом виде (на 20-ти страницах) я представила ее под названием «И в памяти, и в сердце» в «Царскосельском альманахе».

МАДОННА

Висит в галерее картинной икона:
С рожденным младенцем святая Мадонна.

Скажи мне, Мадонна, под боком у бога
Ты так же держалась и чинно, и строго?

Наверное, богу себя отдавая,
Была ты, Мадонна, совсем не такая.

Наверное, божьи святейшие руки
Ласкали мадонну не только от скуки.

И пламя, что в теле любовника было,
Ты, ставши иконой, едва ли забыла...

Тебя обокрала поповская братия,
Изобретя непорочность зачатия.

Мадонне осталось не очень-то много;
Лишь боль материнства да бабья тревога.

Не потому ль, вспоминая о дальнем,
Глядишь ты с иконы по-вдови печально?

Разговоры перед телевизором

Сказал он: «Отбросим шутки,
Уедем с тобой на сутки».
А я ему отвечала:
«На сутки, пожалуй, мало».

А он мне: «Задаться целью,
Так можно и на неделю».
А я ему отвечала:
«И на неделю мало».

А он мне: «Что ж, я не беден,
На месяц давай уедем».
А я ему отвечала:
«Мне и на месяц мало».

А он тогда осторожно:
«Навечно ведь невозможно».
А я ему: «Да, конечно.
Зачем мне такой навечно?!»

Нора Яворская

МАЛЬЧИК В СВИТЕРЕ БЕЛОМ

Тоска на лице загорелом,
В глазах — беспокойный свет...
Мальчик в свитере белом.
Зачем ты глядишь мне вслед?

Нет, не моря, не горы —
Нас разделяют годы.

Их много — десятилетье.
Навьюченные, что кули,
Стремительные, как пули,
Тяжкие, точно плети, —
И каждой меня хлестнули.
Как же преодолеть их?!

Мальчик в свитере белом,
Влюбленно и оробело
По залам и по вокзалам
Ты не спеши мне вслед.
Будут всегда интервалом
Меж нами — десять лет.
Их не отдать в солдаты,
Не выжечь их, не стереть,
Чтобы догнал меня ты,
Мне надобно умереть.

Разговоры с женщиной перед телевизором

Прощают многое женщинам,
Прощают разные вещи нам:
Измену прощают и грубость,
Прощают подлость и глупость,
Но возраста — не прощают...

Мальчик в свитере белом,
Ты старше станешь и строже,
Простить мне ты тоже не сможешь
Десять пройденных лет.

Мальчик в свитере белом,
Зачем ты глядишь мне вслед?!

Нора Эльвскалк

Капелька человеческого потока,
Может, Наташа, а может, Ирина, —
Где-то идет, каблучками цокая,
Первая женщина моего сына.

Первая в жажде, первая в поиске,
Вечная или случайная?
Где повстречается — в парке, в поезде?
Застенчивая? Отчаянная?

Светят коленками
В юбочках «мини»
Студентки и секретарши...
Ты, что проявишь мужчину в сыне,
Моложе его или старше?

Если старше... Смиренно прошу, не
воинственно,
Слов не прячь сокровенных, нежных,
Не вымещай на моем, единственном,
Обиду на твоих прежних.

Чтоб не прошла ты, первая женщина,
По душе сыновней, как трещина.
Чтоб не проклял твои он двери,
Чтоб, ликуя, сердце — в ребро,
Чтобы шел от тебя и верил,
Что женщина — есть добро...

Раздвинувший перед телевизором

Ну а если моложе... Если
Цел еще и косичек лен, –
Я хочу, чтоб в тебе воскресли,
Сын мой, рыцари всех времен.

Чтоб от первой взрослой постели
Глаза ее не опустели.
Чтоб тобой человечность мерила,
В голосишке чтоб — серебро,
Чтобы шла от тебя и верила,
Что мужчина — это добро.

О жизнь, мне оплошностей ты не спускаешь,
Как злая хозяйка — служанке пригожей.
Я снова тебя ощущаю всей кожей,
И ты с меня кожу спокойно сдираешь,

Чтоб новой прикрыла болящую плоть я,
Чтоб я поменяла опять оперенье,
Чтоб я не забыла закон обновленья,
Чтоб я по земле не ходила в лохмотьях.

Нора Яворская

Тропинка, в травах пропадая,
пригрелась на земной груди.
Вначале бабушка седая
мне повстречалась на пути.

Я отступила — разминуться,
она прошла, замедлив шаг.
Мне до нее — еще тянуться,
ей до меня — уже никак.

Мы оглянулись, как по знаку,
согласно, точно два крыла.
Я — посмотреть, какую стану,
она — взглянуть, какой была...

Потом — навстречу мне девчонка,
бегом, коленки заголив.
За ней тянулся тонко-тонко
какой-то простенький мотив.

Наружу радость — как на блюде,
печаль пока что — в тайниках...
Ей до меня — еще тянуться,
мне до нее — уже никак.

Она беспечно улыбнулась,
ничуть о жизни не скорбя.
А я еще раз обернулась
на позабытую себя.

Разрывиленикя перд телевизора

И после долго осызала,
как нас, разрозненных, связала,
чтобы в пространстве удлинить,
тропинки трепетная нить.

Я застываю, как навек,
Когда средь бела дня
Проходит мимо человек,
Ограбивший меня.

Он так идет, как будто прав,
Как будто ни при чем.
Он не кидался прочь стремглав
С добычей за плечом.

Кричать напрасно «караул»,
Бежать нелепо вслед...
Какой пустяк, когда — баул,
Бумажник или плед!

А тут... И я стою опять,
Как будто кто связал...
Ограбил: мог бы столько взять
И — ничего не взял.

Нора Яворская

В ином из нас живет хамелеон:
с людьми соприкасаясь, мы меняем
какой-нибудь оттенок, полутон,
и тем себя как будто не роняем.

Велик ли грех — похожеть проявить,
пусть даже там, где нет ее в помине,
милейшим малым запросто прослыть
и без врагов прожить по той причине.

Мы с глупыми становимся глупей,
с удачливым болтаем об удаче,
среди бедных прибедняемся людей,
с богатым тщимся выглядеть богаче...

Мы думаем, нам хватит на сто лет
таких уловок, было бы хотенье.
И вот итог: мы свой теряем цвет,
мы — лишь чужого цвета подтверждение.

Раздвоенный перо телевизора

Две любви мне судьба даровала.
Две мужские любви до гроба.
Две глубокие не измерить,
а тяжелые — как вериги.

Я сама одного любила,
не из этих двоих — другого.
Этот сердцем не зацепился,
сигаретным дымком растаял.

Две любви мне судьба даровала.

Я упрек обратила к небу:
«Ты почто мне дала такие —
две глубокие — не измерить,
а тяжелые — как вериги?!»

Мне ответил небесный голос:
«Не кощунствуй, коням дареным,
ты же знаешь, в зубы не смотрят».

Ну что за резон мне работать в осеннем саду?!
Ну что за причуда?! Пристрастие к земле я питаю.
Я с нею общаюсь. Я грядку лопатой листаю,
как древнюю книгу, вникая в ее немоту.

И палые листья, и дни мои поздние тленны.
Я в лоно земли ослабевшие силы кладу...
Наверное, предки... Наверно, живучие гены
меня понуждают работать в осеннем саду.

Наверное, возраст... С утра отбиваю поклоны
под куполом вечным в сентябрьском невечном раю.
Цветы и деревья — мои золотые иконы.
Сама угасая, для жизни я их сохраню.

А может быть — совесть... Под тяжестью общего долга
гордыня царя уступает усердию слуги.
Мы, дети земли, над землей измывались так долго,
я тшусь возратить хоть крупицу добра за долги.

Размышления перед телевизором

Не наблюдай агонию. Не надо,
когда не духовник ты и не врач.
Пусть без помех в преддверии распада
вершит свою работу смерть-палач.

Не наблюдай агонию, когда ты
не в силах изменить событий ход.
Конвульсий плоти праздный соглядатай
не забегай... Познаешь в свой черед...

Из детства помню лета середину.
Корову сбил на рельсах паровоз.
На запах крови, пастбище покинув,
у полотна все стадо собралось.

Копытом било, выгибало спину,
и ноздри раздувал тлетворный дух.
И встречный шел. И отогнать скотину
пытался обезумевший пастух...

Поведало о многом это стадо...
Не наблюдай агонию. Не надо.

Нора Яворская

Покуда родители, выпив вина,
в ожидании сладкого блюда,
смеясь, анекдоты травили
и мыли начальникам кости,
в костюмчике с бабочкой мальчик,
пришедший к нам в гости,
меня поманил и в открытии комнатной двери,
как злой заговорщик, шепнул мне:
«Я знаю, откуда...»
(О, жгучая тайна пытливого детского люда!)
«Что? Как?!» — я спросила
еще не решаясь поверить,
что все уверения прежние попросту враки.
«Вот так! — уточнил он, —
Сам видел их свадьбу и драки
недавно, когда мы играли с ребятами в сквере...»
(Да, нас просвещали по сексу,
детишками были когда мы,
не телепубличные — четвероногие дамы)...
И грохнулась оземь красивая сказка о птице,
что с доброго неба
со свертком бесценным слетала,
и сорвана маска, скрывавшая взрослые лица,
и свергнуты разом родители с их пьедестала,
и дух недоверия к ним воцарился на годы...
О, знали бы дети всеобщность законов природы!
Когда б они поняли, что животворны лишь двое,
что в каждом живущем —
частица их слитного тела...
Но взрослым, беспечным, до этого не было дела.
А мальчик не знал про любовь —
это теплое счастье земное.

Раздвинувшийся перед телевизором

Пройдись пешочком по России,
экспресс оставив на путях,
по тем проселкам, где босые
прошли когда-то, и — в лаптях,
по тем, что глухи и угрюмы,
с корнями, как обрывки пут...
Там, на дорогах этих, думы,
как псы бездомные, живут.

Живут, оставленные теми,
кто протянулся тут до нас,
живут, невидимые тени,
у пешехода всякий раз
вдруг возникая за плечами
и где-то рядом, и — вдали.
Все эти думы — о печали
твоей, заброшенной земли.

И ты почувствуешь с тоскою
пудовость — в глине — сапога.
Они увяжутся с тобою
и не отвяжутся,
пока
минуя заросли малины,
не выберешься на большак,
туда, где люди и машины,
и облегчен асфальтом шаг.

Нора Яворская

ПЕЛАГЕЯ

(Из цикла «Бабы»)

Пелагея старая верит
в счастье сына —
где-то пехом он версты меряет
до Берлина.

Вести с фронта,
как дождь в засуху,
ходят редко.
К Пелагее зашла засветло
в дом соседка.

От дверей, лицом невеселая,
говорит Марья:
«Слышь-ко, Нинка моя тяжелая
от твоего парня»...

Пелагея гремит ухватами,
воду грея.
«Мы ведь Нинку твою не сватали, —
говорит Пелагея. —
Мало ли, кто летось хаживал
к твоей Нинке,
вот поди теперь и доказывай,
чье молоко в кринке.
Что вертелась-то Нинка около,
всякий знает,
только брюхом
моего сокола
не поймает...»

С чем пришла к Пелагее Марья,
с тем и вышла,

Разрешения перед телевизором

повернула соседку старая,
словно дышло...

Разрешилась Нинка от бремени
сыном к пасхе, —
безотцовщина, не ко времени,
не для ласки.

Пелагея в его сторону
глаз не скосит.
Только вскорости похоронную
ей приносят.

На крыльцо Пелагея грохнулась
сбитой веткой,
а потом по-дурному охнула
и — к соседке.

Не здороваясь,
мимо Марьи,
мимо Нинки —
как слепая, руками шарит
в теплой зыбке.

Из пеленок теплое тельце
вынимает.
Будто к ране,
мальчонку к сердцу
прижимает.

И еще ни о чем не ведая,
слышит Нинка:
«Ох, кровиночка моя бедная!
Сиротинка!»

Нора Яворская

БАЛЛАДА О РАСКАЯНИИ

Каину дай раскаяние

Булат Окуджава

«Молитва Франсуа Вийона»

И покаялся Каин,
и воскликнул: «О Боже,
я смущен и раскаян,
всемогущий, ты — можешь!

Вот, не жаль ничего —
ни тельца, ни граната —
оживи
моего
убиенного брата!..»

Бог одобрил дары
и злодейство исправил.
Встал из черной дыры,
встал из гибели Авель.

Но у Каина все же
на душе не легчает,
спать спокойно не может,
все-то он примечает:

Авель словно бы
рад
воскрешенью не очень,
смерть забыть свою
брат

Раздвинувший перед телевизором

словно бы и не хочет,
словно молча творит
суд свой собственный то есть...

Чует Каин:
болит
пуще прежнего совесть.

Вновь тельца он забил,
жертву богу представил:
«Сделай так,
чтоб забыл
о грехе моем Авель!»

Бог явил свою милость:
память Авеля — с течью
и в лице утвердилось
смиренье овечье.

Каин снова не спит,
не вкушает покоя:
самый Авеля вид
воскрешает бывшее.

Чуть мелькнет вдалеке,
сразу чувствует Каин
тяжесть в правой руке —
окровавленный камень.

Вновь тельца он забил:
«Сделай чудо, о боже,
чтобы сам я забыл
о грехе моем тоже!»

Нора Яворская

Бог не принял тельца:
«Грех твой неискупаем,
он в тебе — до конца...»
И расплакался Каин.

Недвижим
на земле
он лежал до заката,
размышляя о зле,
что приемлет от брата.

И не чувствуя сил
для исхода иного,

на закате
убил
Каин Авеля снова.

Размышления перед телевизором

Ничему не научили,
научили убивать.

Он пришел, как отпустили,
лег, ненужный, на кровать.
Ничему не научили,
научили убивать.

Он лежал три дня, три ночи...
Жить без дела нету мочи,
встал, работу поискать.

«Что умеешь ты?» — спросили.
«Ничему не научили,
научили убивать».

Тут и там его отшили...
Подкатился дядя в силе,
стал на «дело» подбивать...

Начал жить, как научили.
Научили убивать.

Нора Яворская

ПИСЬМО, НАЙДЕННОЕ В РАСКОПКАХ

Мы подошли к царю Агриппе
и — вам понятно почему —
не стали говорить о гриппе,
а стали сразу — про чуму.

но царь Агриппа был не в духе,
ему наскучили пиры,
его с утра кусали мухи,
кусали ночью комары.

Он закричал: «Чума? Откуда?!
Где вы увидели чуму?!»
И поступил он с нами худо,
чтоб понимали, что к чему...

мы вновь пришли к царю Агриппе
и — вам понятно почему —
все рассказали мы о гриппе
и умолчали про чуму.

Но царь Агриппа был не в духе,
всю ночь дурные видел сны,
его ушей достигли слухи,
что перемерло полстраны.

Он закричал: «Что это — шутка?
Вы что, не видите чуму?!»
И поступил он с нами жутко,
чтоб понимали, что к чему.

Чтоб обрели как надо зренье,
мы грубо брошены во тьму,
где и сидим в недоуменье,
не понимая, что к чему.

02

Юрий Аврех

Израиль, г. Иерусалим

|

*Статьи о мире процветания,
мире сокровищ и Иерусалиме*

О себе: Я родился на Урале в жаркую летнюю ночь. В возрасте 13 лет уехал жить с родителями в Иерусалим, где прожил полтора года. Позже обстоятельства моей жизни сложились так, что я переехал жить в Екатеринбург, где и поселился.

В апреле 1999 года закончил двухгодичное обучение в Международном Лингвистическом Центре по специальности переводчик-референт (английский язык). Летом того же года познакомился с поэтом Марком Луцким, а осенью того же года с поэтом Борисом Рыжим и другими екатеринбургскими и не только современными поэтами. Публиковался в журналах и антологиях. Работал три года ведущим литературного клуба при журнале «Урал». Занимался и продолжаю заниматься исследованиями, связанными с традициями западной и восточной астрологии и переводческой деятельностью англоязычных текстов на эту тему.

Живу в Екатеринбурге и Иерусалиме.

Юрий Альберт

Быть рядом с тобой на берегу океана,
Слушать плеск волн, не ведая вкуса горя.
Руки засунув в карманы — ну а карманы...
Карманы мои размером с Эгейское море.
В месте пересечения с высшим миром,
В воду зайдешь — и исцеляются раны.
Архангелы вод в зеленых и белых одеждах
Свечи несут и речь о небесных странах.
И я повернусь, легонько нахмутив брови,
Боль отступает при любом проявлении чуда.
С невыразимой радостью и любовью,
Я говорю и пишу, словно уже оттуда.

Ночь снизошла,
 промышленный Акрополь
уже уснул, он спит и видит сны.
И некий ангел, вытирая копоть
 с лица,
 стучит, пугаясь темноты
 и пустоты,
один в оконной раме.
Не видимый никем при свете дня.

Мой бедный брат с озябшими крылами,
Скажи,
 чего ты хочешь от меня?

Строки о мире проявленном...

Над Галилейским морем всходит ночь.
Песчаный берег. Ракушки и камни.
Уже за полночь ты уходишь прочь.
Под Галилейским небом, словно в храме.
А за спиной Петрова церковь, в ней
Паломнический крест на белом камне.
Изображен. В одном из белых дней
Я в Назарет приехал в гости к маме.
Она живет там третий год уже.
Но это отступление от моря.
Прости мне. Возвращаюсь я в Душе.
Во времени, в пространстве, коридоре
К местам сиим, которые окрест.
И названы блаженною землею.
И я с собою уношу не крест.
Сияние в себе и над собою.
Не плачу, не грущу, и не смеюсь.
Не падая едва. С самим собою.
Когда ты спишь, я над тобой молюсь.
Над волнами. Под небом. Над водою.

Юрий Альберт

Я помню Иерусалим
С лицом булгаковских героев.
И летний полдень, и хамсин.
Путь странника и путь изгоя.
Ершалаимский первый снег,
Под новый год, такой знакомый.
Для жителей — какой-то снег.
Для эмигрантов — снег из дома...

Я помню снег, он был в глазах твоих,
Он шел, как будто снега было мало.
И не было печали для двоих,
А снег ложился на руки устало.

Я помню, снег был на руках твоих,
Он легче был почтового конверта.
Была ты Грета? Гретхен? или Герда?
А снег, он был таинственен и тих.

И плоть твоя была тебе тесна.
Твоей Душе, что любовалась светом.
Была ли ты извлечена из сна?
Но тело твое тоже пахло снегом.

Страны в мире проявленном...

Небеса номер один, небеса номер два.
Слова не могут вместить всего.
Феникс восстает из огня. Его
Огонь возрождает, и он поднимается выше.
Даже там где, было нечем дышать, — он дышал.
Ты видишь? Звезды пылают, а ему легко.
Чтобы попасть наверх — нужно было пройти огонь.
Пламя оранжево-красное, и только тогда...
А слезы принадлежат земле — ибо они вода.

Есть музыка зимы, ночной парад миров.
Совсем иная жизнь другого измерения.
Магические сны небесных городов.
Как музыка они в минуты откровенья.
Где страх давно сожжен, где свет в твоих руках.
Есть множество миров, что отданы сиянию.
Где все вокруг — любовь, во всех ее цветах,
И полное, как свет отсутствие страдания...

Юрий Альфред

В холодном ноябрьском небе,
За гранями зла и добра,
Рассыпались солью на хлебе,
Все звезды, мой друг, до утра.
И музыка где-то играет.
И грезится в небе луна.
И ночь эта, словно святая, —
Молитвы возносит она.

Когда ангелы плачут — на земле идет дождь.
За шумом дождя не слышно машин.
Радость, печаль, снова радость, дрожь:
все формы дождя составляют один.

Плывут облака над землею гурьбой,
была гроза и прошла гроза.
Незримый мир — он всегда с тобой:
закрой глаза и открой глаза...

Стихи о мире проявленном...

Благодарю Тебя за то, что я могу благодарить.
Благодарю Тебя за то, что можешь ты меня простить.
Благодарю Тебя за то, что есть на белом свете свет.
Благодарю Тебя за то, что все цвета включает свет.
Благодарю за воробьев, за голубей, за птиц простых.
Благодарю за птиц других, за высших птиц, за золотых.

Благодарю Тебя за то, что высший мир — не некий сон.
Благодарю Тебя за то, что я еще держу фасон.
Благодарю Тебя за стих, а в нем не выразить всего.
Благодарю Тебя за то, что я пишу

Тебе

его.

Любовь до первой мировой и до второй,
Была другой, совсем другой, такой живой.
Тебя представить, будто ты тогда идешь.
В забавной шляпке и в пальто, под снег и дождь.
Скажи, мы встретимся с тобой, скажи когда?
Я слишком долго ждал тебя и ждал суда.
Того, что выше всех людей, и дел земных.
Какое у тебя лицо? Твой голос тих.
Мне остается только ждать и только ждать.
Тебя искать. Тебя встречать.

Не умирать.

Юрий Альберт

Внутри дождя таится дух воды.
И с первым знаком солнца свет являет.
Он помнит тьму и райские сады,
И все вокруг привычно отражает.

Движенья тел и взгляд — глаза в глаза.
И в этом мире ниже или выше...
Внутри слезы — еще одна слеза.
Он говорит, но ты его не слышишь.

Там, где птица поет неведьмица в полуденный жар,
Там где, гении места приходят домой со свиданий,
Там, где видимый мир принимает невидимый дар
Мир невидимый тайных надежд и желаний...
Мир не может вместить в себя то, что не может вместить.
И мечтает о высшем, и плачет во сне наяву,
Ибо выше себя не умеет так сильно любить.
И июльское солнце заходит за реку Неву.

МОРСКАЯ ЭЛЕГИЯ

И в музыке струнной, и в музыке духа
присутствует воздух стихии морской.
Столь тонко звучащий для нашего слуха,
что спутаешь вряд ли с привычной земной.

Играют на трубах зеленых и белых
все те, кого даже назвать не могу.
Пронизано музыкой каждое тело,
и слышен шум моря на том берегу.

На том берегу за последней завесой
нас любят и шутят над нашей судьбой.
И крыльями машут, и делают ставки,
и дарят нам слезы с морскою водой.

Иллюзия это? Иль истинно это?
Что скажешь на это ты — «нет»? Или «да»?
Сияет на солнце в ладони монета,
И в небе летает морская звезда.

Юрий Альберт

Незримый мир существует в мире,
и в мире с самим собой.
Ангелы и те, кто над ними,
и те кто над теми, кто над ними
парят в цветных одеждах:
красных, желтых, зеленых,
во всех цветах и за пределами спектра цветов.
Излучая любовь и блаженство.
В храмах, домах, на железных дорогах,
повсюду, повсюду — великие древние духи,
во плоти и в тонких телах.

Они не отрекаются от мира и от самих себя,
потому что излучают любовь.
Они не выносят вердикта,
потому что излучают любовь.
Они знают о том, что нет Единого пути для всех
и для каждого,
Ибо излучают любовь.

И при свете рекламных щитов,
и при свете свечи
Они излучают любовь.
Любовь раскрывает саму себя,
Извлекает из своего сердца
и зажигает огни.

СТРОФЫ

1

Сокрытый мир открыт и осязаем,
Когда на небе явственна гроза,
Где ангелы российские окраин.
Пронизывают дождь и небеса.
И на поля ложится дождь пресветлый,
И на полях уже цветут цветы.
Цикорий бирюзовый, слитый с белым.
Цветок ранимый прочной наготы.

2

Проявленный есть мир и мир сокрытый.
И ангелы у каждого свои.
Святые книги и стихи, что свиты
Блаженных Духом земли и раи.
И каждый рай по-своему сияет.
И каждый цвет по-своему звучит.
В краях нетленных, где не умирает
Ни человек, ни пламя от свечи.

3

На карте за границей плотной моря
Паломники вершили путь, куда
От радости бежав или от горя,
Они тогда не ведали Тогда.
НЕ так уж далеко святые земли,
Где солнцем опален Ершалаим.
В нем желтый раскален не до бела, как белый.
Но он земной и облака над ним.

Юрий Альцев

В золоте высшего мира провидцев и иже святых.
Мира, что свет изливает на наш исстрадавшийся мир,
Столько любви, что не вмещают не слово не стих.
Только кажемся им неразумными злыми детьми.

Там, где падает солнце, за линию, за горизонт.
Там, где снова восходит, есть дважды невидимый мир.
Это явь и сверхявь, а отнюдь не придуманный сон.
Там где роза, жасмин и другие цветы. Посмотри...

Сокрытая мистика снится тебе по утру.
Проснешься, а за окном — и снег и ветер.

Но легче, чем ветер и свеча на ветру,
Любовь того, кто создал и пламя свечи и ветер.

О том, что за этим миром, — молчат уста.
Но высшая есть земля, как высшая часть творенья.
И тот — кто открывает ее врата
В короне Божественного Стиха-Творенья.

Талина Вороненко

г. Ахтоба, СМТ

1

Как можно худо не обнаружить...

О себе: Есть семейное предание, которое мне нравится, которое очень близко к истине, хотя, как всякое предание, пестрит множеством вопросов, на которые сегодня уже никто не ответит...

Давным-давно некий мистер Преин из Англии рванул в Россию, в Сибирь, чтобы осваивать дикие земли и на этом немножко заработать. Что-то там открыл, добыл, освоил, денег заработал густо, основал поселок и все жители в благодарность за сытую жизнь взяли его короткое и внушительное имя. Стали все Преины. И мои пра-пра... носили эту фамилию. Мама моя урожденная Преина. Буквочку «й» мой дед Николай из фамилии убрал в некие несовершенноные годы.

Со стороны отца дедушка Дмитрий был высок, строен, умен, образован и носил очки а-ля Джон Леннон. Вот за это я ему очень благодарна, потому что он в этих очках был мне чем-то очень близок и дорог. Что меня и привело в последствии к «Beatles», музыке «рок», движению «хиппи», имевшего неповторимый питерский аромат.

И мама и отец преподавали в университете разные технические науки и успевали грамотно воспитывать меня и мою сестренку Леку. Родителей я трепетно люблю и помню о них каждую минуту.

Школа, музыкальная школа, университет, переезды, работа нечасто, часто без работы, Россия, Америка, дети — бесконечно любимые мальчик и девочка, муж умный и ироничный, и стихи, которые посыпались под влиянием колорадского неба.

Немного? Мне — хватает.

Я

Покидая кровати логово,
изо сна выдираясь с треском,
попадая ногой неловкою
в тапки старые пяткой детской,

я себя ощущаю лютиком
на тропе беспощадной леса.
Зацветая, когда получится,
отцветая без интереса.

В общем, слабое я создание,
отстраненное и без цели.
Отрицание отрицания,
совпадение Фомы с Емелей.

Зажигаю на кухне лампочки,
и пчела, прожужжав, влетает.
Попадаю ногою в тапочки —
хоть куда-то я попадаю...

**Конец ознакомительного фрагмента.
Полную версию книги можно купить
на сайте издательства
www.skifiabook.ru**

Ключи от твоих дверей

*Дизайн оформления серии
Оригинал-макет
Корректор
Редактор*

*А. Краснопёров
П. Домбровский
И. Бойнова
И. Знаешев*

Книги: от рукописи до тиража
изготовление и распространение
e-mail: skifiabook@mail.ru
www.skifiabook.ru

Издательско-Торговый Дом «Скифия»
191180, Санкт-Петербург, ул. Гороховая, 25
(812) 571-68-54
e-mail: skifiabook@mail.ru
www.piterbooks.ru

Подписано в печать 16.11.2010.
Формат 70x108 ¹/₃₂. Объем 16,57 усл. печ. л. Печать офсетная.
Тираж 1000 экз. Заказ №

Отпечатано с готовых диапозитивов
ОАО «Издательско-полиграфическое предприятие «Искусство России»»
198099, Санкт-Петербург, ул. Промышленная, д. 38, корп. 2.